

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 9 (219)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 9 / 2010

Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 219

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215483

Россия и мусульманский мир №9: Москва; 2010

ISBN 2010-9

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

ЗИГЗАГИ ПОСТСОВЕТСКОЙ	5
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА	14
АНТИЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	21
СУФИЗМ В РОССИИ: ВИРДОВЫЕ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Россия и мусульманский мир №9

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!***

ЗИГЗАГИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*Н. Баранов,
политолог*

Начало нового тысячелетия стало для России точкой отсчета государственного возрождения, связанного с переосмыслением после десятилетия неопределенности и утраты международного влияния своего нового места в мире. Поиск сопровождается спорами политиков и экспертов по поводу роли государства в новых исторических условиях, о путях обретения былого величия Российского государства.

С цивилизационной точки зрения государство не только представляет собой определенную организационную форму, но и является носителем специфической культуры, так как состоит из людей, связанных между собой не только посредством вертикальных и горизонтальных связей, но и особой государственной субкультурой, определенными ценностями. Именно эта субкультура лежит в основе принимаемых на всех уровнях государственной власти решений. Российское государство явилось продуктом уникальной евроазиатской цивилизации, что наложило отпечаток на весь ход его исторического развития.

Важным элементом российской государственности является духовная основа. Суть ее заключается в высокой ценности определенного типа складывающихся в обществе отношений, стремлении к их воспроизводству, что позволяет говорить о нравственных основаниях государственности. Среди духовных идеалов России чаще всего рассматриваются традиционные (вечевой) и либеральные идеалы.

Традиционный идеал ориентирован на сохранение статичного состояния, допуская инновации в жестко определенных рамках, выход из которых рассматривается как опасный. Либеральный идеал включает возможность и необходимость постоянного изменения допустимых нововведений, их адаптацию в существующую культуру и в отношения людей. В условиях современности развивается также утилитарный идеал, являющийся промежуточным между двумя обозначенными и характерный для переходного общества. Суть его заключается в развитии ценностей человеческой деятельности, росте возможностей человека первоначально в рамках исторически сложившихся отношений с постепенным распространением на все общество и усилением способности людей подчинять общественные отношения поставленной цели. Традиционалистский подход в интерпретации исторически сложившихся представлений о механизмах развития России и ее государственности основан на архаичной мифологии, либеральный – на опыте западных стран, который используется для интерпретации исторического опыта России. Однако ни опыт традиционализма, ни опыт либерализма не помогает понять, каким образом преодолеть раскол во всех его формах.

Государство порождается обществом, несет его достоинства и недостатки, в том числе сложившийся уровень дезорганизации. Но государство отличается от общества своей особой организованностью, что является условием успешной борьбы с дезорганизацией в обществе. С этой целью в сталинское время применялась система репрессий, что в конечном итоге привело к разложению государственного аппарата. В современный период дезорганизации общества призвано противостоять формирование демократических порядков. Основой для такого преобразования является убеждение в том, что «в демократическом обществе государство существует по воле и с согласия граждан, на деньги граждан, во имя граждан».

Достаточно широко распространено мнение, что Россия может быть либо великой, либо ее вовсе не будет. Но для того чтобы быть великой, необходимо реально оценить свое место в глобализирующемся мире, свои потенциальные возможности в сложившихся усло-

виях. Эти место, роль и значение определяются не единственно правильной и верной идеологией, а способностью решать стоящие перед страной задачи, рациональностью нашего мышления и способностью адекватно реагировать на вызовы современности.

Жить за счет старого багажа в настоящее время не представляется возможным, но делать выводы из исторического прошлого необходимо. Возрождение российского патриотизма, связанное с периодом президентского правления В. Путина, носит неоднозначный характер. В данном контексте следует отметить, что патриотизм заключается не в возвеличивании или оправдании исторического прошлого, а в поиске путей эффективного развития современного государства. Представляется актуальным по данному поводу высказывание П.Я. Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной... Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы».

Сам факт существования на протяжении многих столетий огромного государства является, несомненно, фактором высокой устойчивости российского образа жизни в прежних исторических условиях. По мнению М. Гефтера, Россия не может соразмерять свое движение только с западным типом развития, но она вынуждена «учитывать всемирный опыт, внутри которого гигантские противоречия и разломы сочетаются с той универсальностью, которая нам необходима». В. Путин назвал их «выстраданными стандартами цивилизации», соответствовать которым предполагают новоявленные демократии. В становлении российской государственности в качестве современного приоритета выделяется демократизация политического процесса, с которой связываются возможные успехи и достижения в социально-экономическом развитии страны.

В постсоветское время произошли существенные изменения в институциональной системе, сказавшиеся на становлении российской государственности: расширение либеральных и демократических практик привело к большей самостоятельности граждан; противоречивость формально-правового пространства привела к делегитимизации юридических норм, не соответствующих реальным условиям жизнедеятельности общества; государственный контроль за выполнением правовых норм оказался неэффективным.

Отечественные исследователи выделяют различные этапы в становлении современного Российского государства. Так, О. Смолин выделяет четыре основных периода в социально-политическом процессе, в результате которых произошло формирование новой российской государственности: реформистский (апрель 1985 – август 1991 г.); революционный (август 1991 – август 1996 г.); постреволюционный (август 1996 – декабрь 1999 г.); период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима (январь 2000 г.).

1. С точки зрения автора настоящей статьи, в качестве отправной точки для периодизации становления современного Российского государства можно выделить 12 июня 1990 г., когда I Съездом народных депутатов РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете. Правда, это было всего лишь заявление, не имеющее юридических последствий, однако его принятие означало потенциальную возможность в случае определенных обстоятельств создать свою государственность. Первый этап можно рассматривать как создание юридических, политических и экономических основ для формирования самостоятельного Российского государства. Он был ознаменован введением поста президента и избранием на этот пост Б.Н. Ельцина. Завершается первый этап распадом Советского Союза и созданием Содружества Независимых Государств (12 июня 1990 – декабрь 1991 г.).

2. Второй этап (1992–1993) обычно определяют как антиэтатистский, сущность которого заключается в стремлении вытеснить государство, прежде всего, из экономической сферы, где его функции должен был выполнять саморазвивающийся рынок. На этом этапе были ликвидированы институты планового регулирования экономики, началось ее разгосударствление. Приватизация государственной собственности, либерализация цен, создание институтов рыночной экономики должны были привести к становлению независимых от государства хозяйствующих субъектов и вызвать соответствующие социальные изменения: формирование класса крупных частных собственников и среднего класса, составляющих основу гражданского общества, способного подчинить себе государство. В социальной сфере государство оставляло за собой поддержку образования, медицины, пенсионного обеспечения, помощь безработным. Государство должно было обеспечивать продвижение реформ, создавая для них правовое пространство, обеспечивая правопорядок и стабильность общества, поддержку мирового сообщества, достаточную обороноспособность страны. В политической сфере этап был ознаменован противостоянием Верховного Совета и президента, роспуском Съезда народных депутатов и прекращением функционирования советской власти.

3. На третьем этапе (1994–1998) выявилась иллюзорность намерений реформаторов ограничить вмешательство государства в экономическую сферу. Опыт реформ свидетельствовал о том, что государство не ушло из экономики, изменились лишь характер и способы его влияния на экономические процессы. Причем некоторые специалисты отмечают, что эти изменения имели крайне негативные последствия как для государства, так и для общества. Государственные институты активно влияли, прежде всего, на процесс приватизации государственной собственности. Это стало основой для сращивания государственной бюрократии с сформировавшимся классом частных собственников, сопровождавшегося всплеском коррупции, возникновением номенклатурно-олигархических кланов, стремившихся подчинить государство своим интересам. Государство, лишившись значительной части своей собственности, не имея возможности собирать налоги в размере, необходимом для выполнения своих важнейших функций, оказалось в ситуации острого кризиса. Этот кризис проявился: в неспособности государства консолидировать общество, в котором резко усилились социальная поляризация, противостояние власти и оппозиции, приобретающие порой чрезвычайно острые формы; в невыполнении важнейших социальных функций, о чем свидетельствует кризис систем здравоохранения, образования, науки, культуры, пенсионного обеспечения; в неэффективной деятельности органов правопорядка, не сумевших остановить вал нарастающей преступности, вызванный переделом собственности; в деградации Вооруженных сил России, терявших свою боеспособность; в перманентных кризисах правительства; в падении внешнеполитического престижа и влияния Российского государства; в неопределенности перспектив экономического сотрудничества России с развитыми государствами, которая особенно усилилась после дефолта. К осени 1998 г. выявились просчеты выбранной модели взаимодействия государства и общества, которые складывались в процессе современных российских реформ, причем мнение об оздоровлении государства и усилении его роли разделяли все основные политические силы страны.

4. Четвертый этап (сентябрь 1998 – декабрь 1999 г.) был ознаменован сменой правительства, которое возглавил Е. Примаков, заявивший о необходимости корректировки курса реформ. Основной целью этой корректировки стало повышение роли государства в реформировании российского общества, прежде всего, в экономической сфере. Это было необходимо для повышения эффективности реформ в интересах всего общества, а не номенклатурно-олигархических кланов, что не означало возврата к методам жесткого государственного регулирования, свойственного советской эпохе. Необходимы были методы, обеспечивающие оптимальный баланс механизмов саморазвития общества и государствен-

ного регулирования. В период либерально-рыночных преобразований государство не уменьшало и не усиливало своей роли в обществе, а меняло методы и средства своего воздействия на общество, оставаясь основным фактором, обеспечивающим устойчивое, стабильное развитие сложных социально-экономических систем. Предпринятые правительством меры привели к росту промышленного производства и постепенной стабилизации в экономической и социальной сферах.

5. Пятый этап (2000 г. – середина 2008 г.) начался с приходом к власти В. Путина и характеризовался усилением вертикали власти, повышением роли государства в социально-экономической сфере, сменой приоритетов в региональной политике, попыткой создания действенной судебной системы. Не отказываясь от либеральных преобразований в экономической сфере, государство стало проводить активную социальную политику путем перераспределения ресурсов в пользу проигрывающих слоев общества (бюджетников, пенсионеров, молодежи). Политические преобразования носили в значительной степени авторитарный характер, но не вызывали резких протестов основной части общества. Президентом был определен курс на создание сильного государства посредством проведения эффективной экономической политики при реализации принципа верховенства права. В своих президентских посланиях глава государства акцентировал внимание на взаимосвязи сильного государства и защиты гражданских, политических и экономических свобод. Усиление государства связывалось с достижением эффективности во всех сферах жизнедеятельности общества, чему способствовали высокая цена на энергоносители и приток иностранных инвестиций в российскую экономику. Курс страны под названием «план Путина» был выдвинут в качестве основного лозунга в период парламентских и президентских выборов 2007–2008 гг. и поддержан большинством российских граждан. Для власти поддержка со стороны населения является фактом первостепенного значения, так как, по выражению Е. Ясина, она «делает режим легитимным, даже при свертывании демократических институтов, которые еще не успели доказать гражданам свою полезность и которые общество еще не готово отстаивать». По мнению английского исследователя Р. Пайпса, В. Путин приобрел высокую популярность потому, что восстановил в России традиционную модель управления: автократическое государство, где граждане освобождены от ответственности за политические решения, а для укрепления искусственного единства используются образы воображаемых иностранных врагов.

6. Шестой этап (начался со второй половины 2008 г.) характеризуется внесением корректив в стратегию развития страны, связанных с изменением внешнеполитической обстановки и кризисными явлениями в мировой экономике. Военный конфликт с Грузией сплотил российское общество вокруг власти и способствовал стремительному росту патриотических настроений. Патриотизм, являясь широко распространенным явлением в национальных государствах, влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Патриотично настроенные группы людей, классы, различные слои общества своей поддержкой или неприятием проводимой политики формируют тот режим, который отвечает в наиболее полной мере потребностям нации-государства. Недаром патриотично настроенная элита рассматривается современными российскими идеологами как одно из важнейших условий успешного развития общества. Российская власть явилась фактором объединения общества, когда стали решаться вопросы социальной справедливости и усиления могущества страны. При этом ценности свободы и прав человека по-прежнему находятся на периферии общественного сознания. Их значимость повысится лишь в том случае, если они смогут вписаться в одобренную обществом парадигму развития. Все чаще из уст политиков звучат слова о возможном возвращении былого величия России. Однако единой точки зрения о характере величия и о том, какими путями оно должно быть достигнуто, еще не сформировано. Среди российского политического дуумвирата, несмотря на кажущееся единство взглядов, имеются раз-

ные подходы к реализации такой перспективы: силовой, ориентированный на силу и мощь государства, и демократический, ориентированный на гражданское общество.

Созданная В. Путиным вертикаль власти остановила центробежные тенденции в стране, повысила значимость федерального центра и его влияние на региональные процессы, восстановила единую систему власти. Как отмечал А. Мигранян, это были «действия со стороны властей, более или менее адекватные сложившейся реальности». Однако вертикаль власти проникла во все сферы жизнедеятельности общества и стала препятствием для развития инициативы и свободного волеизъявления граждан, источником всевластия бюрократии, неподконтрольной обществу, способствовала расширению коррупции. В результате положительный эффект вертикали власти, выразившийся в установлении политической стабильности в начале 2000-х годов, сменился негативными факторами, что явилось вполне закономерным результатом проводимой политики. Вертикаль власти стала воспроизводиться во всех социальных процессах, подчиняя себе практически всю сферу общественных отношений. Под нее подстроились чиновники, для которых вертикаль оказалась наиболее понятной системой власти – удобной для бюрократии и неэффективной для общества.

Как считает Г. Сатаров, пирамида власти в демократическом государстве заканчивается народом, который нанимает чиновников для управления. Поэтому самые большие потери от коррупционной составляющей такой пирамиды несут граждане, так как именно они производят все материальные блага и платят налоги, за счет которых и работает власть. «Значит, конечной жертвой любого коррупционного акта оказываются граждане», – делает вывод отечественный политолог.

Вертикаль власти не справилась с финансово-экономическим кризисом, требует увеличения государственного финансирования всех значимых проектов, личного вмешательства первых лиц государства для решения даже региональных политических и экономических проблем, что свидетельствует о ее неэффективности и необходимости перехода к отношениям, в большей степени зависимым от граждан и определяемым ими. Степень недоверия к формальным институтам государственной монополии проявляется в сложившихся клише массового сознания: суду – «действующие органы власти всегда правы»; правоохранителям «от тюрьмы и от сумы...»; депутатам – «лоббировать только свои интересы»; выборам «победители распределены заранее»; политическим правам и свободам – «их невозможно реализовать, от нас ничего не зависит», и т.д. Как пишет В. Куренной, «проблема в том, что само государство отходит от декларируемых ценностей и целей, подавая обществу примеры, когда монополия не действует. Это слияние власти и собственности, неравенство перед законами, увеличивающийся разрыв реальных возможностей населения, явные противоречия политической риторики и практики».

Д. Медведев, которого западные средства массовой информации в преддверии выборов Президента Российской Федерации позиционировали как либерального политика, действительно демонстрирует стремление изменить существующую политическую практику, повысить эффективность власти, побороть коррупцию, построить демократию с учетом российских национальных особенностей. Такая тенденция отвечает выводам тех исследователей, которые определяют очередной этап модернизации как максимально учитывающий национальные особенности государства. Своеобразие современной российской ситуации заключается в том, что народ пока не может возвыситься до демократии, а государство еще не в состоянии стать народным, демократическим. Низкий уровень гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, сочетающиеся с неуважением к закону, являются основными препятствиями на пути построения демократического общества. Для России, страны с высоким государственным потенциалом, является актуальным исследование Ч. Тилли относительно будущего демократии в таких странах. Анализируя зависимость демократии от высокого государственного потенциала, американский

ученый пришел к выводу, что мощь страны растет до того, как происходит «глубокая демократизация». Демократические процессы в таком государстве происходят уже при сложившейся системе принятия решений с постепенным расширением влияния народа при обсуждении политического курса. То есть нейтрализация независимых внутренних соперников, контроль над ресурсами и хозяйственной деятельностью, а также над силовыми структурами происходят до начала демократических преобразований. Демократизация сопровождается переориентацией государственного потенциала с политической борьбы на подчинение публичной политике, в которой все активнее участвуют граждане. В публичной политике для развития демократии необходим отказ от категориальных неравенств, связанных с принадлежностью к социальным группам, ущемленным в материальном, статусном и другом отношении. Неравенство в повседневной жизни не должно быть связано с неравенством политическим. Решающее значение в демократическом процессе Ч. Тилли отводит интеграции в публичную политику социальных сетей доверия, основанных на миграционных потоках, этнической принадлежности, религии, родстве, дружбе и совместной работе. Государство отказывается от принуждения и ослабляет правительственный контроль социальных сетей, что создает условия для политического доверия. В начале демократических преобразований возникает опасность массовых волнений, связанных с сопротивлением различных слоев общества экспансии государства, «но в конечном итоге следует ожидать неизбежного снижения накала политических страстей с установлением относительно мирных форм общественной политики, где сильное государство держит под контролем те формы притязаний, которые могут вызвать вспышку насилия».

В современной России идет поиск точек приложения государственного потенциала. Одним из таких приоритетов стала концепция инновационного развития, которая охватывает как политическую, так и социально-экономическую составляющую. В условиях инновационного развития общества существует объективная потребность в расширении политического поля, допуске к участию в принятии политических решений различных политических и социальных субъектов, отказе от политического монополизма, какими бы благими намерениями он ни оправдывался. Принципиально важным для России является смена персоналистской парадигмы управления на институциональную. Американский политолог Джеффри Стаут по данному поводу писал: «Чем больше пространства мы отдаем лидерам... тем ближе мы оказываемся к неограниченному правлению властей предержащих. Чем ближе мы приближаемся к неограниченному правлению, тем меньше оснований у граждан доверять властям в деле своей защиты или иного способа служения их интересам».

Вектор развития России как открытой страны направлен в сторону свободного волеизъявления и не может определяться лишь одной политической силой, стимулируя появление альтернативных идей, моделей, концепций. Политико-административные отношения, выстраиваемые в условиях демократизации и опирающиеся на потенциал государства, имеют тенденцию к большей открытости и прозрачности, но лишь при условии ее поддержки со стороны общества и повышения политической, экономической, социальной активности населения, что является для России пока скорее гипотетическим, чем реальным фактором.

Российская политическая практика свидетельствует о том, что в условиях мирового финансово-экономического кризиса государственные органы стали чаще обращаться за помощью к обществу, к гражданам. Регулярные встречи с трудовыми коллективами, открытость в принятии государственных решений, участие в обсуждении антикризисных мер как политической оппозиции, так и всего гражданского общества, доступность власти для средств массовой информации свидетельствуют о превалировании демократических тенденций в политическом режиме современной России.

Отчет Председателя Правительства Российской Федерации, прозвучавший 6 апреля 2009 г., можно расценивать как знаковое событие в отношениях между законодательной и исполнительной властью. Глава Правительства РФ теперь не может игнорировать представительную власть и обязан отчитываться о своей деятельности, а депутаты могут задавать ему вопросы, на которые вправе ожидать ответов. Изменение формата отношений между ветвями власти можно рассматривать в качестве антикризисной меры, которая логично вписывается в систему сдержек и противовесов, повышая ответственность обеих ветвей власти за проводимую политику. Можно согласиться с Председателем Правительства РФ в том, что «антикризисный план требует согласованных действий на всех уровнях публичной власти. Людей не волнует, кем именно обязательство не исполняется, – федеральными органами власти, региональными либо муниципальными – для них важно, как это скажется на их повседневной жизни». И здесь следует отметить, что власть не всегда использует демократические процедуры и механизмы.

В демократическом государстве решающую политическую роль играют партии. Создание в современной России правовых норм, закрепляющих высокий статус партий в политической жизни страны, с одной стороны, повышает ответственность политической партии за проводимую в стране политику на всех уровнях государственной власти и органов местного самоуправления, с другой стороны, резко ограничивает возможности конкретного гражданина на участие в политической жизни без посредничества политических структур.

Одним из приоритетов в деятельности политической власти в период борьбы с кризисом стало обращение к средствам массовой информации как важнейшему каналу политической коммуникации. Вошли в практику регулярные встречи политического руководства страны с журналистским сообществом, интервью различным телевизионным каналам и печатным СМИ, ежедневное информирование о кризисных проблемах и путях их решения. Такой диалог в режиме on-line повышает доверие населения к власти, делает прозрачным процесс принятия решений, что сказывается на общественном настроении и в целом на ситуации в стране. Развитие информационного общества в России сталкивается с социально-экономическими и политическими проблемами. Образование должно сформировать потребность человека в информации, развитая инфраструктура – передачу и получение необходимой информации, политические структуры – высокий уровень информационно-аналитического обеспечения для эффективного управления обществом. Современные технологии управления невыгодны административно-бюрократическому аппарату, который является основным препятствием на пути распространения нового стиля жизни, основанного на свободном информационном пространстве и не нуждающегося в привычных традиционных институтах и моделях поведения. Внедрение новых технологий нарушает привычный механизм функционирования социальных институтов и организаций, позволяет пересмотреть критерии их эффективности, заставляет переосмыслить те масштабные изменения, которые несет информационная эпоха, изменяет характер деятельности человека, его восприятие современного мира.

Необходимый компонент современного государства – это эффективная судебная система, определяющая степень демократичности власти. Судебная власть – единственная, которая защищает человека от государства. Сломать коррупционную составляющую в судебной сфере – значит институционализировать отношения власти и общества, сделать их открытыми и прозрачными, основывающимися на нормах права. Судебная реформа при молчаливом сопротивлении российского правящего класса не сдвинется с места. Проблемы судебной системы заключаются в неоднозначности законов, которые можно трактовать в тех или иных интересах, чем нередко пользуются судьи. В России распространено предпочтение расплывчатых норм права, так как неопределенность выгодна прежде всего власти предержащим, которые могут ее интерпретировать в своих интересах.

Социальная направленность политики, борьба с коррупцией, реформа судебной системы, снижение зависимости СМИ посредством развития информационного общества – таковы новые тенденции в становлении российской государственности, появившиеся в 2008–2009 гг. Президентские инициативы по формированию обновленного облика Российского государства имеют в большей степени демократическую направленность, хотя и воспринимаются значительной частью общества и оппозицией достаточно скептически, поскольку ориентированы на более решительные шаги власти в сторону открытости и расширения политического пространства. Среди президентских инициатив, не способствующих демократизации политического процесса, наибольший резонанс вызвали увеличение срока полномочий Президента РФ до 6 лет и депутатов Госдумы до 5 лет, а также изменение порядка избрания Председателя Конституционного суда и его заместителей, которые вполне резонно воспринимаются в качестве продолжения выстраивания властной вертикали. В качестве демократических инициатив можно выделить следующие: ежегодный отчет правительства о своей работе перед представительным органом власти как на федеральном, так и на региональном уровне; представительство в Госдуме и законодательных органах власти субъектов Российской Федерации политических партий, набравших от 5 до 7 % голосов; изменение порядка формирования Совета Федерации, в соответствии с которым его членами могут быть только граждане, победившие на региональных или местных выборах; изменение порядка наделения полномочиями губернаторов (кандидатуры может предлагать партия, победившая на региональных выборах); отмена избирательного залога; снижение количества подписей, необходимых для участия в выборах, а в перспективе отказ от их сбора; расширение сферы вопросов, по которым Общественная палата может давать свое заключение; наведение порядка с досрочным голосованием на местных выборах; принятие законов о гарантиях равного освещения в средствах массовой информации деятельности партий, представленных в региональных парламентах; принятие законов о борьбе с коррупцией.

Еще в конце XX в. зарубежные политологи предполагали для развивающихся стран два пути: либо интеграция в западный порядок, либо его отрицание и появление стран-изгоев, изолированных от остального мира. Однако уже в начале XXI в. один из ведущих американских политологов – Ф. Закария стал выразителем иной точки зрения: развивающиеся страны, по его мнению, идут по третьему пути, поскольку «они вливаются в западный порядок, но на своих собственных условиях», преобразуя саму систему. Россия вносит в данную тенденцию свою лепту, переориентировавшись с первого пути, характерного для 1990-х годов, на третий, исходя из своего нового места в складывающейся глобальной конфигурации политического устройства мира.

В своей статье «Россия, вперед!» Д. Медведев, характеризуя политическую систему, к которой стремится Россия, называет ее «предельно открытой, гибкой и внутренне сложной», адекватной «динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре», отвечающей «политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей», в которой «лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти» и формирующие «федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот)», имеющие «длительный опыт цивилизованной политической конкуренции». Президент в своей работе по модернизации Российского государства может опереться только на гражданское общество, потому что небольшая часть честных чиновников не в состоянии решить возникающие проблемы. Активные, заинтересованные граждане, свободные средства массовой информации смогут сделать гораздо больше, чем предпринятые административные меры. «Нашей работе, – пишет президент, – будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих “предпринимателей”». Административно-чиновничий аппа-

рат, которого вертикаль власти научила по-другому работать, сложно представить в качестве помощников главы государства. Помощь может исходить также от инновационно настроенной части правящей элиты, малого, среднего и частично крупного бизнеса. Перспективы такой поддержки можно оценить высоко, так как при решительной власти общество активизируется и сможет обеспечить легитимность намеченных преобразований. Именно на такую поддержку рассчитывает Д. Медведев.

Для современной российской государственности стало характерным позиционирование страны в качестве великой державы. Об этом косвенно свидетельствует девиз, избранный Д. Медведевым, – «Россия, вперед!». Именно так называется его нашедшая статья, именно этими словами заканчивается второе президентское Послание Федеральному собранию. Претензии на величие всегда были характерны для России. Как отмечает И. Нойманн, «такова эксплицитная самореферентная аксиома российской политики идентичности». Однако недостаточно государству или отдельной нации считать себя великой, что равносильно самолюбованию. Для того чтобы действительно быть великой державой, необходимо признание такого величия со стороны других государств. Причем не любых, а тех, которые сами являются великими державами и чей статус не вызывает сомнений. Как показывает политическая практика, критерии величия изменяются с течением времени в зависимости от общественных потребностей и складывающихся международных условий. В индустриальную эпоху в качестве критериев великодержавности были военная и экономическая мощь государства, что соответствует реалистическому подходу в теории мировой политики. Одновременно существовало еще одно объяснение величия государств – моральное, свидетельствующее о возможности распространять свою культуру среди других государств и принятии ими новых ценностей без насилия по причине морального превосходства. Между реалистическими и моральными критериями имеется связь, так как именно культура способствует комплексному развитию государства, включая экономическую и военную сферу. С переходом к постиндустриальной эпохе изменяются и критерии великодержавности. Так, по мнению И. Нойманна, «держава может считаться великой, если способ управления в ней признается образцовым другими». Одним из современных критериев величия государства является также качество жизни граждан, реализация их прав и свобод, степень демократичности. С данной точки зрения, путь, по которому следует Россия, не отвечает общеевропейским критериям, с чем согласны не все российские политики. В. Путин в феврале 2008 г. говорил: «Россия вернулась на мировую арену как сильное государство – государство, с которым считаются и которое может постоять за себя». Однако Д. Медведев в своих последних статьях и выступлениях критикует сложившуюся социальную практику и делает акцент на необходимости всесторонней «модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии», что позволит построить «настоящую Россию – современную, устремлённую в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».

Таким образом, вектор развития Российского государства будет зависеть от того, какая точка зрения станет преобладающей в ближайшей перспективе, что, несомненно, повлияет на персоналии претендентов на следующих президентских выборах, на результаты выборов в Государственную думу, а в целом и на будущее страны.

«Политэкс», СПб., 2010 г., т. 6, № 1, с. 49–66.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Александр Белоусов,
кандидат политических наук*

Последний год первого десятилетия XXI в. позволяет приступить к подведению итогов. Настоящую статью можно рассматривать также в этом ключе. Правда, речь идет о весьма специфической плоскости – пропагандистской работе с населением, элитами, общественными структурами и (в той мере, в какой это возможно в ограниченных рамках журнального текста) международным сообществом. Причем кризисное состояние экономики, а в определенной степени – и общественной жизни, заставляет более трезво оценить масштабы и результаты этой работы.

Приходится прежде всего констатировать наличие определенного пропагандистского вакуума: 30–40 % населения вообще не ходят на выборы (даже президентские) и проявляют полную аполитичность. С учетом бесперспективности воздействия на эту целевую аудиторию, озабоченную лишь потреблением, средствами политической пропаганды последняя довольно часто подменялась пропагандой потребительской. Именно на эту часть россиян (хотя, разумеется, не только на них) были рассчитаны телевизионные рапорты об успехах экономического развития, повышении цен на нефть, росте уровня потребления, доступности кредитов и т.п. Все закончилось осенью 2008 г. со вступлением России в процесс мировой экономической рецессии. Возникло некое пропагандистское зависание системы, в наличии у которой не оказалось смыслов, пригодных для тиражирования в условиях общего снижения уровня жизни.

В результате возникли такие фантомы, как борьба с «невидимыми и неуловимыми врагами»: коррупцией, педофилами, милиционерами-убийцами. Можно полагать, что актуализация подобных тем свидетельствует о следующем: политическая пропаганда в настоящий момент не способна мобилизовать общество для решения возникающих проблем; ей под силу лишь временно притупить протестные настроения. На фоне возникшего вакуума более отчетливо видны пропагандистские успехи 2001–2007 гг. Нельзя даже исключить возникновения через некоторое время определенной ностальгии по эпохе, стремительно уходящей в прошлое, точнее – по ее образам: «Путин», «стабильность», «вертикаль власти», «двукратное повышение ВВП», «суверенная демократия», «Стратегия-2020». Такая ностальгия может быть сродни сожалениям старшего поколения о золотом веке брежневского «застоя», во многом внешнем и пропагандистски рукотворном. Именно поэтому ниже мы сосредоточимся на характеристике базовых идеологем, внедрившихся в общественное сознание в «нулевые».

Однако, прежде чем приступить к анализу пропагандистского контента, необходимо остановиться на средствах распространения соответствующей информации и связанного с ней влияния. В этой сфере в первую очередь следует отметить снижение роли печатной прессы и повышение таковой Интернета, что явствует из результатов исследований, проведенных M'Index TNS Russia в 2008 г. (они фиксировали время, затраченное россиянами разных возрастных категорий, на получение информации из различных источников). Данные наглядно демонстрируют, что газеты продолжают пользоваться популярностью лишь у старшего поколения – главным образом потому, что пенсионеры привыкли читать газеты и вряд ли в ближайшей перспективе найдут альтернативный источник информации. Среди людей среднего возраста прослеживается тенденция к сокращению времени, затрачиваемому на просмотр газет при росте внимания к Интернету. Что же касается молодого поколения рос-

сиян, то оно пребывает в Сети в разы больше используемого на чтение прессы времени. С учетом естественной демографической динамики очевидно, что отмеченная тенденция будет развиваться и далее. Таким образом, газета становится консервативным источником информации, к которому вместе с людьми пожилого возраста прибегают и элиты, в то время как Интернет демонстрирует значительный прогресс.

Разумеется, эти и многие другие данные используют ответственные лица из администрации президента и иных государственных структур, отвечающих за пропагандистскую работу, что, естественно, отражается и на выборе средств распространения соответствующей информации. Показателен, в частности, такой факт: из печатной прессы практически исчезли материалы, в которых российские лидеры выступали бы от первого лица. Интервью или авторские статьи президента и премьер-министра появляются там в исключительных случаях, в то время как с зарубежной прессой они общаются весьма охотно. Вместе с тем российские пропагандисты основательно взялись за киберпространство и заняли прочные позиции в Интернете, во всяком случае в Рунете. Первая часть «нулевых» ознаменовалась созданием и «раскруткой» специальных сайтов, через которые пропагандистская работа ведется и по сей день. Их можно разделить на несколько категорий:

- официальные представительства (официальный сайт Президента РФ Kremlin.ru, официальный сайт «Единой России» Edinros.ru и др.);
- новостные сайты и порталы (Strana.ru, Vz.ru, Rian.ru, Regnum.ru и др.);
- сайты экспертного характера (Russ.ru, Kremlin.org, Liberty.ru, Media-cratia.ru и др.);
- сайты «особого назначения» (vladimirvladimirovich.ru).

Для «раскрутки» сайтов на них размещается эксклюзивная информация. Так, например, доклад главного кремлевского пропагандиста и идеолога В. Суркова «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности», ознаменовавший начало дискуссии об особом пути России – «суверенной демократии», был впервые опубликован на официальном сайте партии «Единая Россия». Статья президента Д. Медведева «Вперед, Россия!», давшая старт дискуссии, на основании которой президент составлял свое послание Федеральному собранию РФ в 2009 г., появилась на сайте довольно либерального интернет-ресурса «Газета.Ru».

В последнее время набирает силу тенденция к использованию в целях пропаганды и блогосферы. Среди «первых лиц» начало положил президент Д. Медведев. Затем его примеру последовал губернатор Пермского края О. Чиркунов. В общем, через некоторое время вся российская политическая элита будет отписываться в блогах. Причем эта работа отнюдь не стала чистой формальностью. Данные инструменты профессионально поддерживаются IT-специалистами и стали прямым каналом общения политических лидеров с пользователями Интернета. Политические дискуссии в Сети становятся все более активными.

Кроме того, за «нулевые» пропагандисты освоили такой важный канал распространения информации, как книгоиздание. В 2005 г. было создано книжное издательство «Европа», специализирующееся на выпуске политической литературы и выполняющее прямые пропагандистские установки Кремля. За короткое время «Европа» заняла лидирующие позиции на рынке в своей нише, а продукция этого издательства появилась практически в каждом книжном магазине крупных мегаполисов. Книжный формат восполняет пробел знаний у граждан, обладающих активной политической позицией и претендующих на соответствующее влияние на окружающих. Одновременно все эти годы власть формирует круг лояльных к ней лиц, которые исполняли бы роль таких «привратников», разъясняя основные пропагандистские постулаты на местах и доводя их до конкретных граждан. К настоящему времени этот круг представляет собой сложную структуру, каждый уровень которой играет собственную роль в общей работе. Так, в своеобразный первый ближний круг входят лица, разъясняющие, основные пропагандистские постулаты. Это известные журналисты, политологи, эксперты,

депутаты, губернаторы, политические деятели и прочие ответственные лица. Возьмите сборник, посвященный проблеме «суверенной демократии», и вы получите их примерный список: С. Иванов, Ю. Лужков, В. Матвиенко, Б. Грызлов, В. Третьяков, А. Мигранян, Д. Орлов, В. Фадеев, С. Глазьев, В. Иванов, М. Соколов, В. Никонов, Д. Бадковский и др. Разумеется, эта работа отнюдь не бескорыстна. Участники дискуссий получали (и получают) в первую очередь информационную площадку для высказывания своих точек зрения. Здесь срабатывают репутационные, карьеристские мотивации, а также возможность демонстрации лояльности к власти. В свою очередь последняя получала ответные сигналы о принятии предлагаемой ею доктрины. А лучший способ показать свою восприимчивость к ней – пересказать ее своими словами. В итоге большая часть идущей дискуссии сводилась (да и сводится) к обмену сигналами лояльности. При этом власть вовсе не боится критики как таковой. Кроме того, критиковать такие доктрины, как «суверенная демократия», весьма сложно даже с содержательной точки зрения. Любое углубление в термины здесь оказывается на руку власти, тогда как реальная и радикальная критика находится по другую сторону внедренного концепта. (Более того, порой критика смотрится даже позитивно, ибо для поддержания тонуса дискуссии нужны всплески эмоций. Что же это за дискуссия, если даже спорить не о чем?) Поэтому через те же каналы информации запросто появлялись (и появляются) материалы критического характера, которые модераторы не боятся поставить в один ряд с апологиями. При этом возможность покритиковать официальную доктрину явно работает на имидж политика и оказывается еще одним способом поощрения участников дискуссии, которые и сами отчасти формируют пропагандистский контент.

Теперь о содержании пропагандистских коммуникаций. Мы уже обозначили ряд базовых для «нулевых» идеологем: «вертикаль власти», «двукратное повышение ВВП», «суверенная демократия», «Стратегия-2020». Попытаемся провести их классификацию.

Первая отделяет политическую пропаганду, так сказать, в чистом виде, от той, что распространяется посредством политически управляемых каналов. Очевидно, что из представленных идеологем только две являются абсолютно политическими – «вертикаль власти» и «суверенная демократия», ибо только они имеют отношение к формированию представлений у населения о политической системе государства и роли граждан в ее рамках. Оставшиеся две идеологемы – «двукратное повышение ВВП» и «Стратегия-2020» – по сути концепты явно экономического характера, созданные для управления экономикой политическими методами. К тому же обе идеологемы по прошествии определенного времени – одна раньше, другая позже – оказались нерабочими. Поэтому мы исключаем их из сферы дальнейшего рассмотрения.

С научной точки зрения «вертикаль власти» следует определить как политическую метафору, т.е. фигуру политической риторики, обладающую особой продуктивностью. Другими словами, это емкий иносказательный термин, использованный и до сих пор используемый властью для проведения стратегически важного политического курса. Истоки прочности и долговечности метафоры «вертикаль власти» следует усматривать непосредственно в ней. Принцип «вертикали» не оставляет альтернатив для других способов выстраивания властных отношений. Никаких горизонталей, послаблений и прочих слабостей. Все они преодолеваются и интегрируются в «вертикаль»: остаются только укрепление и рост. Кто-то назовет такую метафору излишне агрессивной, обвинив ее в символическом монополизме. Но в определенный момент «вертикаль власти», как и предполагали ее создатели, начинает жить собственной, не зависимой от них жизнью, диктуя свои правила игры. Как таковая метафора «вертикаль власти» – бесконечное поле для реформистской деятельности. Стоит только возникнуть ощущению, будто всё, строительство закончилось, – тут же достраивается «новый этаж». При этом нет необходимости уточнять, что именно понимается под «вертикалью». Как раз поразительное свойство понятности и есть один из главных семантиче-

ских эффектов концепта. Причем подобных семантических эффектов «вертикаль власти» продуцирует очень много. На том и основана ее эффективность: избыточное производство смыслов удовлетворило спрос на идеологию.

Итак, «вертикаль власти» представляет собой полисемантическую метафору, т.е. производящую великое множество политических смыслов. Это перепроизводство смыслов и стало залогом ее чрезмерной эффективности, а также долгой жизни, ибо сейчас, по прошествии десяти лет, можно утверждать: большинство заложенных в ней смыслов было реализовано в политической практике (ранее мы их уже выявили в специальной статье). Заметим также, что «вертикализация» власти прочно ассоциируется с Владимиром Путиным – потому-то «вертикаль власти» иногда называют «путинской». В процессе пропагандистской трансляции ее методы видоизменяются применительно к разным целевым аудиториям. Последние следует разделить на две основные категории. Первая – это непосредственные участники реформы власти (власть, журналисты, эксперты и т.д.), а также практически сформировавшийся за «нулевые» средний класс, способный усваивать политическую информацию любой сложности. Вторая – основная масса населения, оставшаяся в роли молчаливых зрителей. Собственно, концепт «вертикаль власти» в его целостном виде был усвоен лишь первой аудиторией. Для основной же массы он был упрощен, популяризирован и персонализирован. Получилось: «Путин – сильный президент» и «Путин навел порядок в стране». Метафора «вертикаль власти» оказалась весьма живучей. Будучи введенной в оборот в 2001 г., она до сих пор активно упоминается в СМИ, пусть и несколько реже, чем девять лет назад. До сих пор Кремль не предпринимал попыток пересмотреть принципы реформы власти, начатой почти десятилетие назад. Фактически она продолжается. Дело в том, что «вертикаль» как принцип власти может только укрепляться. Любая остановка в ее строительстве, любой поворот по диагонали или по горизонтали грозят ее обрушением.

Все последующие концепты, разработанные и вброшенные пропагандистами, логически вписываются и истекают из «вертикали власти». И политические, и экономические. «Двукратное увеличение ВВП» – суть команда экономике, исходящая от «вертикали власти». «Стратегия-2020» – попытка закрепить «вертикаль» в программе экономической стабильности и развития. «Суверенная демократия» – не что иное, как «демократизация» власти и общества в условиях выстроенной «вертикали власти». Нет ни одного концепта, который каким-либо образом преодолевал бы пресловутую «вертикаль». Это и невозможно. Поэтому «вертикаль власти» надолго останется прародителем российского политического контента.

Разумеется, на Западе «вертикаль» была встречена ожесточенной критикой за излишнюю централизацию власти, сворачивание демократии и авторитаризм. Однако, судя по всему, эта критика оказала обратное воздействие. Успех реформы заставил ее творцов поверить, что «чем больше они ругают нас, тем лучше у нас получается». Подобная психология напрямую оказывает влияние на пропаганду. Ориентировав пропагандистские усилия на внутренний «рынок», ее разработчики игнорируют их восприятие вовне. Опасность также заключается в следующем: отрицательное мнение мировой общественности по поводу российской пропаганды интерпретируется не как ее отрицательная характеристика, но как положительная.

Заметим, правда, что прочная ассоциация «вертикали власти» с Путиным, помимо всех выгод для российского лидера, в перспективе способна повлечь за собой ряд проблем. Как показал опыт двухлетнего правления Дмитрия Медведева, ни на кого из прочих политиков «вертикаль», говоря политтехнологическим языком, не переносится. Медведев не стал фигурой, сумевшей за два года встать во главе «вертикали». И так в отношении любого из действующих политиков. Очевидно, что после окончательного ухода из политики В.В. Путина судьба «вертикали» может оказаться неясной.

Впервые термин «суверенная демократия» появился в прессе весной 2005 г. Хотя авторство его приписывается В. Суркову, на деле его первым применил В. Третьяков. Основные дискуссии начали разворачиваться в 2006 г. – после выступления В. Суркова перед партией «Единой России», на котором была изложена концепция «суверенной демократии». Это выступление и можно считать стартом дискуссии. После чего градом посыпались статьи, выступления и другие формы дискуссионной активности. Дискуссия о «суверенной демократии» помимо содержательной стороны представляет интерес и с другой точки зрения: по сути, она создала прецедент управляемой общественной дискуссии. Исходя из скорости и масштаба распространения, эта дискуссия в течение 2006–2008 гг. превратилась в настоящую повестку дня для интеллектуалов. В ходе нее пропагандисты апробировали несколько методов управления обменом мнениями, а именно: внедрение и развитие дискуссии, привлечение специальных каналов для ее распространения, поощрение участников обсуждения,

Однако одного доклада оказалось недостаточно. Спустя некоторое время тот же Сурков вынес на обсуждение другой (на этот раз печатный) текст на ту же тему – статью «Национализация будущего (параграфы про суверенную демократию)». В нем автор уже не видит смысла скрывать намерения власти стимулировать общественную дискуссию. «Текст про суверенную демократию, составленный по ходу дискуссии совместными усилиями сторонников и критиков, – одна из интерпретаций нашего недавнего прошлого и близкого будущего (поэтому он и претендует на точку отсчета в дискуссии о демократии в России). Его задача – привлечение общественного внимания к взаимосвязанным вопросам личной свободы и свободы национальной. Он открыт для согласия и спора. В нем нет почти ничего обязательного и совсем ничего назидательного», – пишет В. Сурков. Сигнал, в общем-то, простой и понятный. Во всяком случае, для любящих разьяснять эти самые сигналы.

Когда создается эффект повестки общественной дискуссии? В момент, когда потенциальные участники самых разных каналов сталкиваются с темой дискуссии. Поэтому для ее распространения были выбраны три основных канала – Интернет, книги и печатные СМИ, а также ряд дополнительных средств, включая партийные учебники и межличностные коммуникации. Первое и главное средство распространения дискуссии – Интернет. Потенциальные участники – политики, эксперты, журналисты и др. – получают большую часть политической информации из того же источника. Последний позволяет быстро выкладывать тексты и реагировать на них в режиме онлайн, значительно ускоряя ход обсуждения. Наконец, принять участие в дискуссии получает возможность куда более широкий круг желающих. В итоге массовость обсуждения концепта «суверенной демократии» уже невозможно представить без специальной «загрузки» Интернета.

Наконец третий, но далеко не последний канал распространения дискуссии – это книжная продукция. Без научного (или хотя бы псевдонаучного) бэкграунда разговоры о «суверенной демократии» оставались бы не более чем модным политическим «трепом». Обе составляющие концепта – «суверенитет» и «демократия» – произведены научным дискурсом. Поэтому модераторами дискуссии была поставлена задача: сделать «суверенную демократию» предметом изучения политической науки. Вернее, сформировать представление, будто она является актуальной проблемой последней. В итоге благодаря той же «Европе» сборники статей и монографии на соответствующую тему заняли места на полках множества книжных магазинов в разделах «Политология, политические науки». Цель достигнута. Что касается содержательного аспекта пропагандистских акций подобного рода, то его особенность – в предельной актуализации, связанной с изменениями в сфере государственной политики. Здесь потенциально возможны два основных варианта: прямой и косвенной связи с реальными политическими процессами. Во втором случае реальности концепта и политики, если так можно выразиться, оказываются как бы параллельными друг другу и сопри-

касаются лишь там, где это выгодно пропагандистам (например, военная экспансия США имеет мало общего с так называемым «продвижением демократии», но, постоянно возвращая своих критиков к первоисточкам – концептам, американские пропагандисты отвлекают их от реально происходящих событий, что в данном случае и требуется). Именно такова, по сути, и концепция «суверенной демократии», тогда как «вертикаль власти» оказывается все же связанной с реальными процессами. Ведь, создавая «вертикаль» в течение первого срока, В.В. Путин и его команда занимались реализацией масштабной реформы, результаты которой отразились на всей политической системе. Дискуссия же о «суверенной демократии» в России не привязана ни к каким текущим трансформациям политического устройства.

* * *

Классификацию концептов, формирующих содержание пропаганды, следует дополнить также делением на экспансивные и реакционные. Первые разрабатываются и предлагаются в качестве тем общественных дискуссий, чтобы обеспечить идеологическое сопровождение активной и агрессивной внешней политики. Их основу составляют идеи национального, государственного или любого иного превосходства. Реакционные же концепты, напротив, призваны служить обоснованием внутривнутриполитических курсов, попадающих под прицел извне. Их используют при необходимости доказать собственную уникальность, пусть даже для этого приходится изобличать весь мир, доказывая, что он пошел неверным путем. «Суверенная демократия» выступает как показательный пример реакционного концепта. Она появилась в результате реакции на упреки Запада, будто Россия скатывается к авторитаризму. Соответственно, этот концепт обладает рядом очевидных недостатков. Прежде всего, в нем изначально заложена дискуссия об авторитаризме и произвольном установлении демократии. Это ее контрконцепт, и вся дискуссия разворачивается между ними. Кроме того, понятие «суверенная демократия» применимо исключительно к России, оно не транслируется на другие государства со схожей внутренней ситуацией. Соответственно, Россия не планирует получать дивиденды от того, что им воспользуются ее соседи, пусть даже такая возможность теоретически существует и в принципе не отрицается.

С другой стороны, если стратегическая задача России на ближайшее время определена как наращивание экономической мощи и восстановление своих позиций на международной арене, то концепт, обосновывающий исключительность ее курса, в полной мере соответствует поставленным задачам. Ведь состязаться с западными странами в изобретении стандартов демократии – дело неблагодарное. Но неужели у России не найдется других преимуществ, которыми она способна утверждать свое превосходство?

Таким образом, вырисовывается законченная картина трендов политической пропаганды. Сформирована система распространения пропагандистского контента, построенная на взаимодополнении межличностной и массовой коммуникации, в которой по сравнению с предыдущими годами повысилась роль Интернета. Кроме того, создан новый канал воздействия в виде выпуска специализированной пропагандистской литературы. Основными идеологемами, распространенными в данной коммуникационной системе, стали «вертикаль власти» и «суверенная демократия». Первая из них ориентирована на внутренний «рынок», с ее помощью проводилась путинская реформа власти. Вторая в большей степени предназначена для западной аудитории, пусть даже она и распространялась с помощью стимулирования внутренней общественной дискуссии. Кроме того, очевидно, что, хотя оба концепта уже выполнили свою роль, первый из них оказался явно несколько удачней, что, по-видимому, связано с его метафорическим характером и совпадением с представлениями населения, а также политических элит о характере власти, естественном для России.

В дополнение обратим внимание на несколько ключевых особенностей прошедшего «пропагандистского десятилетия».

Во-первых, пропаганда осуществлялась (и осуществляется) в основном с помощью каналов информации и схем, разработанных на Западе. Российские пропагандисты в принципе не придумали здесь своих ноу-хау и большей частью копируют западный опыт. Тенденции изменения – например, повышение роли Интернета – также воспроизводят западные способы пропагандистской работы. Эта ситуация выглядит настораживающе, поскольку интеллектуальная зависимость рано или поздно приводит к интеллектуальным же поражениям. Российским пропагандистам стоит уделять больше внимания разработке собственных каналов воздействия на население.

Во-вторых, содержание российской пропаганды, как только соответствующая информация пересекает не существующую для нее госграницу, воспринимается значительно хуже или даже с точностью до наоборот. Освоив внутривнутриполитическое пространство в «нулевые», в «десятилетия» российским пропагандистам, по всей видимости, предстоит больше работать в жанре публичной дипломатии, повышая авторитет нашего государства на международной арене.

Наконец, до сих пор официальная пропаганда при всей ее мощи была ориентирована на реализацию относительно частных интересов. По сути, она обслуживала лишь персональные и групповые запросы власть предержащих, которые возводились и до сих пор возводятся в ранг общенациональных. Такая ситуация далеко не в полной мере отвечает интересам всего российского общества, так как ее задачи не ограничиваются лишь самочувствием власти, и такой мощный ресурс государственного управления, как пропагандистский аппарат, необходимо использовать на благо всех россиян.

«Свободная мысль», М., 2010 г., № 2, с. 83–96.

АНТИЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОВОЛЖЬЯ

*Владимир Семёнов,
кандидат политических наук*

Деятельности мусульманских религиозных организаций по противодействию религиозному и политическому экстремизму в регионах, входящих в Приволжский федеральный округ (ПФО), уделено внимание в ряде публикаций последних лет, но политическая практика требует более пристального внимания исследователей к обозначенному явлению. Приволжский федеральный округ образован в соответствии с Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». На его территории, составляющей 7,27 % от общей площади нашего государства и равной 1451 тыс. км², проживает 33 млн. человек (более 22 % населения России). В составе ПФО 14 субъектов Федерации: шесть республик, семь областей и один край.

По совокупности этнических и конфессиональных проблем Приволжский федеральный округ можно считать мини-моделью Российской Федерации. Современная полиэтническая структура округа сложилась в результате многовекового совместного проживания и взаимодействия различных этносов и культур. Около 68,8 % населения ПФО составляют русские (в целом по Российской Федерации русскими себя считают 83 % населения). В большинстве национально-территориальных образований, входящих в состав ПФО, коренное население не является преобладающим. Лишь в трех из них представители титульной (статусной) национальности составляют более 50 % населения: в Чувашской Республике, Республике Татарстан и Коми-Пермяцком автономном округе. В целом же на территории округа проживают около 75 % всех татар, марийцев, удмуртов, мордвы России, 80 % башкир и чувашей. По переписи населения 2002 г., в Приволжском федеральном округе проживали представители 153 национальностей, 44 из которых принято считать мусульманскими. В 14 регионах действует 22 духовных управления мусульман (ДУМ).

Безусловно, у мусульман региона, как у всего российского общества, есть очень много проблем – духовных, социальных, личных, среди которых слабо развитая система религиозного образования и отсутствие грамотных кадров священнослужителей, неумение противостоять натиску идеологии «рынка» и криминала на жизнь общины. Одна из бед российского ислама – внутреннее противоборство мусульманского духовенства и разобщенность мусульманского общества. Раскол мусульманских организаций, начавшийся в 90-е годы, спровоцировал сначала взаимные обвинения мусульманской элиты в ваххабизме, а затем и его действительное появление в Поволжье. Социально-экономическое неблагополучие привело к широкому распространению псевдорелигиозных культов, отличительными чертами которых стали невежество, обман, вовлечение своих адептов в криминальную деятельность. В конце XX – начале XXI в. в связи с притоком в Поволжье представителей различных этнических групп из Средней Азии и Северного Кавказа в регион начали проникать идеи, не характерные для традиционного ислама. Вслед за идеями появились экстремистские группы, борьбу с которыми ведут правоохранительные органы.

В течение 2004 г. в различных регионах РФ правоохранительными органами были задержаны члены экстремистской религиозной организации «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения ислама). Эта организация была внесена в список 15 организаций экстремистского толка, чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением

Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. Состоявшееся в Башкирии судебное разбирательство в отношении членов «Хизб ут-Тахрир» было доведено до логического завершения. В августе 2005 г. Верховный суд Башкортостана приговорил членов ячеек к 4–9 годам лишения свободы. Вместе с тем пока еще рано ожидать, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» на территории России полностью пресечена. Современный этап деятельности этой партии можно назвать «русским». Его особенностью является массовое тиражирование пропагандистской литературы на русском языке, распространение русскоязычной версии журнала «Аль-Вай» в регионах страны, создание русскоязычного сайта партии, который свободен для доступа всех желающих. Особое место в пропаганде идей «Хизб ут-Тахрир» занимают листовки, издаваемые на русском языке и распространяемые в мечетях России.

В результате столь массивной идеологической интервенции в среде российского ислама резко увеличилось число мусульман из числа русской, белорусской, украинской молодежи, имеющей весьма поверхностные представления об исламе. Распространение радикальных идеологий, пополнение новоявленными мусульманами рядов экстремистских движений, востребованность подобных идей молодежью свидетельствуют о глубоком социальном неблагополучии, религиозном и правовом невежестве.

По сведениям УФСБ, в состав экстремистской группировки «Хизб ут-Тахрир», действовавшей на территории Самарской области, входили 15 человек. Они вели отчет о проделанной работе и поддерживали связь с членами организации в других странах, в том числе и через Интернет. Мусульманские лидеры Самары резко осудили опасные действия группы молодых людей, объединившихся, по сути, в сектантскую, почти тайную организацию. Имам было предписано активно проводить соответствующую разъяснительную работу.

Все периодические издания ДУМ Нижегородской области так и или иначе касаются темы радикализма, экстремизма и терроризма. С другой стороны, реальных проявлений радикального ислама непосредственно в Нижегородской области практически не имеется, за исключением одного эпизода. В 2005 г. правоохрательными органами были задержаны 12 человек из числа проживающих в Нижнем Новгороде мусульман, обвиненных в причастности к деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

ДУМ Нижегородской области обратило внимание общественности на то, что среди задержанных не было «ни одного татарина, ни одного коренного нижегородца». «Мы ответственные, прежде всего, за постоянных прихожан, с которыми ведем повседневную работу по профилактике экстремизма. Если бы, – рассуждают в Духовном управлении, – у нас была возможность контроля над мигрантами-мусульманами в виде реальных полномочий, мы так же работали бы и с ними, неся ответственность и за них».

ДУМ Нижегородской области неоднократно предлагало свои услуги властям «в деле окультуривания мигрантов». Долгие годы в силу неафишируемого противостояния властей и Духовного управления эта идея рассматривалась как притязания мусульман на часть властных полномочий государства. Однако волнения азербайджанцев в Нижнем Новгороде в 2006 г., вызванные убийством омовцами торговца, показали, что власть вынуждена прибегнуть к спасительным мерам – привлечению лидеров ДУМ к переговорам. С учетом того, что поток мигрантов в этот самый крупный город ПФО будет увеличиваться, идеи ДУМ Нижегородской области выглядят как реальное желание помочь властям и обществу справиться с проблемой.

Особое значение для региона и РФ в целом имеет проблема изживания экстремизма и терроризма. Задачей российского общества является создание таких условий жизни, при которых радикальная идеология изжила бы сама себя, не будучи востребованной людьми. Важно создавать особую атмосферу неприятия не только методов террористов, но и их воззрений. Именно этому способствует видение ислама традиционными юридическими школами, в частности ханафитским мазхабом. В своей монографии «Исламская альтернатива и

исламистский проект» один из ведущих исламоведов России А.В. Малашенко указывает на то, что ханафитский мазхаб является фактором сдерживания радикализма.

О том, что противодействие радикальному настрою следует оказывать, прежде всего, с позиций богословия, наглядно свидетельствуют работы специалистов, исследующих феномен терроризма. Группа авторитетных турецких ученых в 2004 г. опубликовала книгу «Ислам о терроре и акциях террористов-смертников». Основной вывод авторов заключается в том, что убийство и самоубийство в исламе запрещены, а следовательно, те группы, которые это практикуют, отошли от ислама. Согласно мнению руководства ДУМ Нижегородской области возрождение ханафитской школы – это и есть средство идеологической борьбы против экстремизма.

Работа по противодействию национальному и религиозному экстремизму является одним из важных направлений деятельности органов власти на территории Ульяновской области. Здесь отсутствуют очевидные очаги национальной или религиозной нетерпимости. Вместе с тем большую обеспокоенность с точки зрения угрозы безопасности Российской Федерации вызывает раскол в местной мусульманской умме. В Ульяновской области существуют два духовных управления мусульман. Ведущее место занимает Ульяновское региональное Духовное управление мусульман (муфтий С. Сулейманов) в составе ЦДУМ России (Верховный муфтий РФ Т. Таджуддин), в состав которого входят 74 мечети. Активную работу среди верующих проводит ДУМ Ульяновской области (муфтий Ф. Алиуллов) в составе ДУМЕР (председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин). В его состав входят 16 мечетей.

Данной ситуацией стремятся воспользоваться мусульманские миссионеры из стран Центральной Азии, Северо-Кавказского региона, посещающие Ульяновскую область с целью распространения среди местных мусульман идеологии радикального ислама. К числу идей, настойчиво пропагандируемых идеологами радикального ислама, относятся утверждения о примате религиозных норм над светским правом, призывы к дискриминации христиан, иудеев и сторонников иных религиозных систем, призывы к джихаду во имя построения всемирного исламского государства (халифата), «так, чтобы исчезло всякое язычество, и вся религия принадлежала бы Аллаху». В регионе имеются последователи такого вида религиозной пропаганды. В сентябре 2005 г. Ульяновским областным судом осуждены члены банды, состоявшей из приверженцев исламской экстремистской религиозной организации «Джамаат».

Фактором, укрепляющим стабильность в регионе, может стать объединение противоборствующих муфтиятов в единое духовное управление. Некоторые предпосылки для этого есть – ряд исламских лидеров региона предлагают начать процесс объединения вокруг компромиссной фигуры муфтия с хорошим исламским образованием, полученным в России, высоким уровнем толерантности, общей культуры, готовности к конструктивному диалогу, яркими лидерскими качествами.

На встречах президентов республик и губернаторов регионов Поволжья с местными мусульманскими лидерами в последние годы постоянной стала тема противодействия экстремизму. 11 марта 2010 г. в Чебоксарах состоялась встреча полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе Г.А. Рапота и глав духовных управлений мусульман 14 регионов ПФО. Главной темой этой встречи стала проблема экстремизма. Полпред выразил озабоченность тем, что в исламское учение, в уже сложившиеся традиции, пытаются внедрить «чуждые идеологии, замешанные на ненависти и нетерпимости, обесценивании человеческой жизни». По его словам, угрозу раскола в рядах российских мусульман создает деятельность западных экстремистских движений. Они используют не только религиозную непросвещенность людей, но и реальные недостатки, проблемы мусульманских организаций, а кроме этого, недоработки и недостаточное внимание к исламу региональных и муни-

ципальных органов власти. В качестве лекарства от этой болезни Г.А. Рапота предложил возрождать добрые российские исламские традиции.

Саратовский имам Мукаддас-хазрат Бибарсов, выступая на совещании, также обратил внимание на важность взаимопонимания между органами власти и духовными управлениями для предупреждения распространения радикальных настроений. Крайности возникают там, где недостаток знаний сталкивается с равнодушием людей и иногда – с попустительством властей.

Г.А. Рапота подчеркнул, что мусульманские лидеры сегодня представлены в общественных палатах всех регионов Приволжского федерального округа, а также в иных координационных и совещательных органах. Председатель Духовного управления мусульман Чувашской Республики Альбир-хазрат Курганов при поддержке всего общественного сектора ПФО избран членом Общественной палаты РФ. Во всех регионах округа активно действует созданный в 2006 г. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, который оказывает значительную помощь исламским организациям ПФО.

В 2010 г. Минобрнауки Российской Федерации начинает реализацию комплексной ведомственной программы по поддержке исламского религиозного образования, оказания помощи медресе, в том числе – в регионах Приволжского федерального округа. Говоря о проблеме экспертизы религиозной литературы, полпред подчеркнул, что осенью 2009 г. при Министерстве юстиции РФ был создан научно-консультативный совет по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма. В его состав вошли авторитетные российские исламоведы, представители мусульманских религиозных организаций и мусульманской науки.

Участники встречи в своих выступлениях отмечали, что во всех регионах ПФО осуществляется взаимодействие органов власти и исламских организаций в социальной сфере, в сфере культуры и образования, в молодежной политике. Полномочный представитель Президента РФ в ПФО особо подчеркнул, что отношение государственных органов к объединениям мусульман определяется положениями Конституции и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Г.А. Рапота сказал: «Позиция органов государственной власти состоит в том, чтобы, не вмешиваясь во внутренние дела мусульманского религиозного сообщества, сотрудничать со всеми ответственными, патриотически настроенными исламскими структурами».

В ходе встречи ее участники в качестве тревожащего фактора обозначили активность зарубежных радикально-экстремистских движений, организаций, которые квалифицируются как экстремистские и в России, и за рубежом. Эти движения и их сторонники дискредитируют российский ислам, создают угрозу раскола в рядах мусульман.

«Власть», М., 2010 г., № 6, с. 57–60.

СУФИЗМ В РОССИИ: ВИРДОВЫЕ БРАТСТВА КАДИРИЙЯ НА КАВКАЗЕ

*Галина Хизриева,
востоковед*

Суфизм сыграл огромную роль в исламизации Северного Кавказа и распространении ислама в Поволжье, Сибири и Крыму, а также способствовал установлению неформальных связей между мусульманскими народами бывшей Российской империи. Однако его роль в формировании систем социальной организации мусульманских народов бывшего СССР остается практически неизученной. Анализ данных об институтах шейхства, так называемом муридизме, об общественно-политических, религиозных движениях на основе суфизма позволил приблизиться к пониманию того, что религиозная и политическая жизнь мусульманских народов на постсоветском пространстве представляет собой сложное симбиотическое единство, традиции которого были заложены во второй половине XVIII в. Наиболее ярким примером этого является социорелигиозная жизнь мусульман-вайнахов. В недавнем прошлом эти народы представляли собой малочисленные и враждующие между собой разрозненные кланы, различавшиеся по социальному укладу. Ныне большинство вайнахов являются последователями суфийского шейха Кунта-хаджи Кишиева и его учеников, создавших братство Кадирийя. История становления мусульманского образа жизни у вайнахских народов Северного Кавказа, по сути, является историей становления самих этих этносов. Их этничность находится под эгидой их религиозности. Ни культурно-языковая общность, ни общность исторических судеб, обычно выделяемые как компоненты этнической консолидации, не смогли сыграть той роли, которую сыграл суфизм в их этническом становлении. Своеобразие избранного ими религиозного пути помогало этим народам сохранять свои традиции и специфику внутриобщинных социальных отношений в условиях, способствовавших скорейшей ассимиляции. Горцы Северо-Восточного Кавказа, территория обитания которых постоянно оказывалась на пересечении экономических и геополитических интересов могущественных государств Востока и Запада, на пересечении двух религиозных традиций – православной и мусульманской, – всегда находились в эпицентре политических переломов в жизни российского, затем советского и постсоветского общества. Под их напором эти народы могли бы быть полностью ассимилированными мощными культурными традициями, если бы не суфийский ислам. Разделяющий этносы на небольшие группы верующих, отличающиеся ритуальной практикой, но объединяющий их в сверхсложные религиозные сообщества в лоне общей доктрины, суфийский ислам сделал их неуязвимыми для ассимиляторской деятельности государства. Так, общность ритуалов Кадирийя для многочисленных разрозненных групп Северо-Восточного Кавказа (Чечня, Ингушетия, северо-западная нагорная часть Дагестана) с XIX в. и до настоящего времени играет большую роль в консолидационных этнических процессах, идущих на этих территориях. Благодаря религиозному фактору и особенностям своей ритуальной практики, отделяющей их не только от всего христианского мира, но и от мусульманского мира Северного Кавказа, современные чеченцы и ингуши стали одним из самых многочисленных мусульманских этносов России. Нет ничего удивительного в том, что чеченцы и ингуши выжили именно за счет религиозной солидарности, ибо они крепко держатся за свои мусульманские традиции, особые ритуальные практики и свой образ жизни.

Еще в конце XIX в. мусульманами Северо-Восточного Кавказа была найдена новая форма социальной организации, которая стала наиболее эффективной с точки зрения процессов консолидации по сравнению со старой тухумно-тейповой (патронимической) орга-

низацией. Речь идет о системе вирдовых братств. Сегодня вирд на Северо-Востоке Кавказа в социальном смысле представляет собой нелокализованную общину мусульман, образованную вокруг имени муршида/шейха/устаза/хаджи, с особой социальной структурой, институтами религиозного и социального самоуправления. Этой сетью вирдов покрыта значительная часть Северного Кавказа. Вирд на территории бывшей Чечено-Ингушской Республики является также надтейповой (в Дагестане же – надтухумной и надэтнической) формой социальной организации мусульман. Вирды многочисленны, но их количество значительно меньше количества тейпов. Это более высокая форма консолидации общества по сравнению с тухумно-тейповой; вирд может насчитывать десятки тейповых образований и сотни семейных групп. Функциональное отличие вирда от тейпа кратко можно сформулировать следующим образом: если тейповая структура обслуживает «жизнь», т.е. отвечает за правильное оформление начала жизненного цикла человека – устройство брака и рождение потомства, то вирд отвечает за «смерть» – правильное завершение жизненного цикла. Но это не единственное различие. Особенность вирда как формы социорелигиозной жизни состоит в том, что он выполняет ту роль, которая не могла выполняться тейповой структурой: принадлежность к вирду вписывает его представителя в широкую орбиту мусульманской культуры, не связанную ни с какой иной идеологией, кроме исламской. В свою очередь, принадлежность к этой культуре формирует ощущение сближения с единоверцами во всем мире и укрепляет чувство его защищенности в окружении немусульманских культур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.